

A woman in a red dress stands in the foreground, looking towards a grand, classical building with a dome and a golden spire. The building is surrounded by trees, some with autumn foliage. The scene is set in a lush, green forest with a path leading to the building.

Владимир Бородин

Лазарет номер три

Владимир Бородин
Лазарет номер три

«Автор»

2026

Бородин В. Е.

Лазарет номер три / В. Е. Бородин — «Автор», 2026

Повесть рассматривает период Первой Мировой войны в необычном ключе работы царскосельского Собственного Её Величества лазарета номер три. Затронуты темы развития феминизма в России, массового сектантства и морфинизма в годы войны. На фоне исторических лиц действует ряд лиц вымышленных.

© Бородин В. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

19

Владимир Бородин

Лазарет номер три

В. Е. Бородин

Лазарет номер три

Повесть времён Великой войны

«Изранено тело и души разбиты,
И горем, и бредом тут думы полны»

Песня времён Первой Мировой

Померкшее сознание тяжело раненного капитана в то утро лишь смутно воспринимало какие-то голоса.

- Вера Игнатьевна, - говорил певучий юный девичий голосок, - Позвольте мне сегодня самой весь инструмент перемыть.

- Как хотите, Ваше Высочество, - отвечал низкий, словно мужской, голос Веры Игнатьевны, - Но даже среди наших пациентов слышно ворчание, мол, мыло да спирт руки портит – на то денщики есть и ни к чему сестриц заставлять. Так, никто их и не вынуждает, - добавила она с ударением на «их», с едва уловимым ехидством, впрочем - добродушным.

- Кожи рук наших пока вполне хватает, а операции Вы нам всё равно ещё не доверяете.

- Да уж как можно без специального обучения? Что говорить. Словом, поступайте как знаете и не отвлекайте меня более пустяками, моя дорогая.

- Простите, Вера Игнатьевна, - нежный голосок сделался совсем печальным.

Капитан Владимирцов смутно разглядел миловидную девушку рядом с рослой плечистой фигурой врача и подумал: «А ведь девица-то не иначе, как Великая княжна. А врачиха эта без труда такого как я мужичонку с ног собьёт». С этой мыслью он вновь отключился, что часто случалось с ним после последнего несчастливой для него боя. Одно ухо не слышало вовсе после контузии и ранения в голову, а глаза нередко отказывались служить. Помимо того, и грудь капитана осколками исковыряло, и половина лица оказалась обожжённой. Он помнил лишь яростную атаку, яркую вспышку, оглушающий разрыв и звон в голове, который так и не покидает его уши с тех пор. Скорбный лист¹ капитана долгов. Нередко возникают всякие осложнения.

- А Вы, сестра Ртищева, пожалуйста, зайдите ко мне сегодня перед обедом, - продолжил меж тем всё тот же низкий спокойный, но требовательный голос.

- Хорошо, Вера Игнатьевна, - ответил на это приятный усталый голос.

Настасья Ртищева только начинала службу в организованном в здании Дворцового госпиталя Лазарете номер три, но уже не самой младшей сестрой на побегушках, как было в Японскую, а рангом выше, как и подруга её Евпраксия. *Ещё по Японской помнили они раз мелькнувшую в их прифронтовом госпитале неистовую, непременно наводящую во всём порядке, неутомимую Веру Игнатьевну Гедройц², имя которой тогда впервые прозвучало на всю*

¹ Скорбный лист - история болезни.

² Вера Гедройц (1870-1932) одна из первых женщин в мире, получивших звание профессора хирургии, а также поэтесса Серебряного века. Училась в Швейцарии, а в Русско-японскую сама в тяжёлых полевых условиях разработала, казавшиеся до того безнадёжными, полостные операции (для раненных в живот). Была помощником уполномоченного Российского Крас-

Россию. Теперь обе подруги по воле providения попали в Третий Царскосельский лазарет, где Гедройц, старший ординатор всего Царскосельского дворцового госпиталя, служила старшим врачом и ведущим хирургом. Ртищева безусловно склоняла голову перед авторитетом Гедройц, которая с самого начала войны предложила организовать в Царском Селе эвакуационный пункт под управлением полковника Вильчковского для раненых и получила поддержку царицы. Вера Игнатъевна вместе с императрицей Александрой Фёдоровной работали не покладая рук и очень быстро развернули несколько десятков лазаретов³. Открыть лазареты предполагалось в сентябре 1914-го, и это удалось за такое короткое время, благодаря тому обстоянию внутреннего подъяма, который охватил, казалось, все слои населения. Говорили, что в самом начале войны приходили никому не знакомые купцы и привозили мёд для раненых, жертвовали муку, папиросы, конфеты, бельё. Раненые ещё не поступили, но пожертвования продолжали сыпаться. Позже и в Зимнем дворце был открыт лазарет для нижних чинов под патронажем Наследника Цесаревича. Императрица с дочерьми стали рядовыми сёстрами милосердия Царскосельского лазарета, под руководством Гедройц, и теперь все их искренне хвалят без тени подхалимажа, как врачи, так и раненые. Гедройц не делает никакой скидки на их августейшую кровь и может даже прикрикнуть, со свойственной ей резкостью, в ходе опасной операции. Как можно было не преклоняться перед такой женщиной, да ещё в эпоху, когда дух феминизации уже веял по всей Европе? Но в то же время, что-то неуловимое в ней казалось Ртищевой неприятным, а что именно она и не могла выразить словами: «Взгляд её из-под белой конусовидной шапочки с красным крестом какой-то странный и очень уж пристальный и тяжёлый. Курит без передышки, говорит о себе иной раз в мужском роде. Не странно ли всё это? Ей явно хотелось родиться мужчиной. А с другой стороны: кому бы не хотелось того же? Пожалуй, и мне... И курит она побольше любого матёрого вояки. Тонкое и даже красивое лицо княжны Гедройц порою кажется очень неприятным. Случается, что берёт мою руку в свои, пропахшие табаком, и уверяет, что ей надо согреть руки перед операцией, в то время как натоплено в помещении достаточно и руки её вполне тёплые...» За обедом мысли Настасьи вертелись вокруг беседы со старшим врачом в кабинете. Вера Игнатъевна почти не сказала ничего по делу, но опять попросила согреть её руки, хотя сегодняшняя операция осталась позади, было вполне тепло и вскоре ей предстояла не операция, а лишь перевязка. «Что-то непонятное во всём этом». Вялый разговор за столом между сотрудницами не занимал Настасью. Приглушённые звуки улицы редко доносились до слуха тех, кто находился в лазарете зимой, при закрытых окнах. Разве что гудки автомобилей или свистки поездов с вокзальной стороны. Внезапно донеслась величественная мелодия траурного марша Шопена и кто-то прокомментировал: «Из Второго лазарета офицера хоронят. Царство ему небесное». Кажется это был нежно-певучий голос Её Высочества Ольги Николаевны. Настасья машинально перекрестилась вместе со всеми прочими, но мысли её были далеко. Последние краткие часы отдыха

ного Креста. Обучала сестринскому делу царицу с дочерьми. Происходит из древнего знатного княжеского литовского рода, бывшего во времена отдалённые в оппозиции к России. Сама Гедройц стала близкой по убеждению к конституционалистам.

³ Ещё в Русско-японскую войну Александра Фёдоровна создаёт свой госпиталь для раненых солдат и офицеров. К 1909 году под покровительством царицы состоялось 33 благотворительных общества, общин сестёр милосердия, убежищ, приютов и тому подобных учреждений, среди которых были: «Комитет по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией», «Дом призрения для увечных воинов», «Императорское женское патриотическое общество», «Попечительство о трудовой помощи», «Школа нянь Её Величества в Царском Селе», «Петергофское общество вспомоществования бедным», «Общество помощи одеждой бедным Санкт-Петербурга», «Братство во имя Царицы Небесной для призрения детей-идиотов и эпилептиков», «Александровский приют для женщин» и другие. Императрица патронирует «Дома трудолюбия», в которых получали рабочие профессии девушки из бедных крестьянских семей. Её волнуют проблемы туберкулёза, и по инициативе императрицы под Ялтой появляются первые специализированные санатории. С 1914 года императрица организовала особый эвакуационный пункт, куда входило 85 лазаретов для раненых воинов в Царском Селе, Павловске, Петергофе, Саблине и других местах. В Большом дворце Царского Села возник крупнейший госпиталь, позже названный «Собственным Ея Величества лазаретом». Многие богатые люди имели у себя домовые лазареты. У многих жили выздоравливающие офицеры. В Ливадии был устроен большой лазарет, отчёты о котором, ежедневно отсылались императрице.

днём или ночью, в зависимости от порядка дежурств по палате, во сне её преследовал кошмар после недавней операции почти безнадёжного молодого офицера. Всё тело его было обожжено, но самым жутким казалось его лицо, в котором уже не оставалось ничего человеческого. Глаза же, чудом уцелели и были даже красивы. Эта маска, грубо выполненная из опалённой кожи, всё чаще появлялась во снах Ртищевой и пыталась ей что-то сказать, но не могла, а лишь сипло мычала. От этого ужаса Настасья теперь просыпается ещё раньше, чем следует, и ком подкапывает к её горлу. Ощущение недосыпания мучит её остатки времени, положенного на бодрствование. Возникает потребность переждать: «Как бы не расползеть, ведь в моде очень узкие юбки... Тьфу, какие пошлые мысли могут прийти в голову. Вокруг такое творится: негоже так».

Вечером того дня в палату к знакомым раненым офицерам зашёл, недавно выписанный, молодой корнет Клементьев и возбуждённо рассказывал им и дежурным сёстрам о том, что он увидел перед панихидой по капитану Гремиславскому. Служба ещё не начиналась и от столпотворения в тесной церквушке стало душно. Корнет выглянул на улицу, чтобы освежиться. Возле ограды кладбища остановился автомобиль, и из него вышла дама в чёрном. Дама остановилась у ближайшей могилы, осеняя себя крестным знамением. Корнет отошёл как можно дальше, чтобы не смущать посетительницу кладбища, ожидая, что она сразу же уедет назад, но дама продолжила молитву у очередной могилы и так обошла всё небольшое кладбище, творя молитву над каждым крестом. Любопытство молодого человека взяло верх над его застенчивостью, и он незаметно приблизился к даме и лишь тогда узнал в ней императрицу, молящуюся в одиночестве поздним вечером за души своих подданных, погибших на фронте. И обязательным условием было, чтобы никто из посторонних этого не видел и не знал.

- Да если бы императорская чета заботилась, в первую очередь, о репутации своей, как делают европейские политики, об этом бы уже писали газеты! И правильно. Понимаю, что так нельзя с христианской точки зрения, но ради большой политики в такое время просто необходимо! А у нас народ всё больше утверждает во мнении, навязываемому из Думы, что наша Государыня стоит на пути предательства, или забавляется с Гришкой. Разве это не чудовищно, дамы и господа?! Хоть кто-нибудь в державе нашей, не прошедший этих стен, не ощутивший целительного прикосновения рук Государыни, не видевший, как она, валяющаяся с ног от усталости, выполняет чёрную работу ассистентки при операции, заявил об этом на всю Россию? Нет! От того и ползёт грязная клевета! – всё больше возбуждался поражённый увиденным корнет, - И молится за нас Государыня, после изнурительного дня работы, или пусть даже в редкий, единственный свободный день. Где это в истории видано было, чтобы лица «их положения» таскали наши ампутированные конечности, возились с отпиленными гнилыми костями и пропитанными кровью с гноем бинтами, вытирая о свои фартуки руки в мокротах наших? Брезгливость забыта. Лишь одно желание помочь, утешить страдания, спасти жизнь.

- Минимум одна операция в день, не считая перевязок! А как стойчески выносят августейшие сёстры вид жутких ран и смрад от них!⁴ – добавил, идущий на поправку, барон фон Таубе, лейб-гвардеец адъютант Первого Стрелкового Его Величества батальона. Под Скродой-Рудой барону оторвало ногу.

⁴ Вместе с двумя старшими дочерьми и со своей подругой Анной Вырубовой Александра Фёдоровна прошла курс сестёр милосердия военного времени, который им преподавала княжна Гедройц. Потом все Романовы поступили рядовыми хирургическими сёстрами в лазарет при Дворцовом госпитале и тотчас же приступили к работе по перевязкам, часто тяжелораненых. Стоя за хирургом, императрица, как каждая операционная сестра, подавала стерилизованные инструменты, вату и бинты, уносила ампутированные конечности, перевязывала гангренозные раны, не гнушаясь ничем. Она научилась быстро менять застилку постели, не беспокоя больных, и делать перевязки посложнее — и была горда, заработав диплом сестры и нашивку Красного креста.

- Не только Государыня, но и Татьяна Николаевна встаёт не позднее семи утра, берёт урок по хирургии и послеоперационной реабилитации, потом начинаются перевязки и лишь затем - завтрак. После этого ещё берёт урок и отправляется на объезд многих лазаретов, а на досуге занимается чтением или рукоделием в помощь фронтовым солдатам. Часто по вечерам княжны ещё спешат во храм помолиться, поставить свечи за тяжело больных. Помимо всего, Ольга Николаевна занята по комитету и складу, а Татьяна – по делам беженцев⁵. Наша бедная Ольга Николаевна всего месяц как выздоровела. Ведь была совсем больна - сильнейшее малокровие. После недели постельного режима, выхлопотала себе разрешение приезжать в лазарет хоть на полчаса для впрыскивания мышьяка. Каков героизм! Надо бы нам совместно выступить в печати, господа, и как можно скорее, - сказала, подумав, молодая и симпатичная сестра Татьяна Мельник-Боткина⁶.

- Не уверена, что удастся напечатать об этом, - тихо промолвила сестра Евпраксия Охотина, - говорят, что широко публиковать что-либо в защиту династии практически невозможно. Идёт скрытая война на уровне газетчиков. Органы печати в руках левых. А как надо бы, чтоб народ узнал о личных затратах⁷ Царской семьи!

Сквозь пелену замутнённого сознания капитан Емельян Владимирцов прислушивался к разговору и со всем соглашался, не имея сил участвовать в обсуждении. «Несколько наивен этот молодой корнет: если бы кто-то и протрубил на всю Россию о трудовом героизме женщин семьи Романовых, то левые нашли бы иной повод к чему придаться и заглушили бы тот трубный глас» - подумал капитан. Гул голосов тяжелораненых нарастал, и палата уже напоминала толпу митингующих.

- Все мы равны под косыночкой сестры милосердия, а великие княжны с детства приучены к тому, что они должны шить для бедных, так же, как и свитские дамы, каждой из которых Её Величество поручала набирать, в свою очередь, двенадцать дам для изготовления определённого количества тёплых необходимых вещей. Готовые вещи отсылались Государыне, разбирались фрейлинами с великими княжнами и рассылались по приютам или лично им известным бедным семьям, - сказала Боткина, - Обо всём этом мне сама Ольга Николаевна поведала. Но, господа офицеры, час уже поздний, пора ко сну готовиться и шум поумерить, - добавила строгим тоном.

Некоторые тяжело раненые не были способны сами есть и приходилось кормить их с ложечки словно малых детей. В тот памятный день сестра Евпраксия покормила пару несчастных таким образом, а потом перешла к капитану Владимирцову, который не мог жевать из-за поврежденной челюсти, да и пока ещё движения рук были для него слишком болезненны. Охотина подносила к обезображенному ожогом лицу маленькую ложечку с жидкой кашницей, и

⁵ В Зимнем дворце царицей был создан большой склад белья, отправлявшегося войскам на фронт. Такой же склад имени Её Величества был образован на средства чинов министерства внутренних дел. Ольга Николаевна была поставлена во главе комитета помощи семьям запасных. С весны 1915 года появились в значительном числе беженцы и по Высочайшему повелению для заведования ими был образован особый комитет во главе с Татьяной Николаевной.

⁶ Мельник-Боткина – внучка лейб-медика Александра II и Александра III и дочь лейб-медика Николая II.

⁷ «...после лета, 1915 года, ни в Английском банке, ни в других зарубежных банках на текущем счету... Императора не оставалось ни одной копейки. 20 миллионов стерлингов царских денег, которые со времени, царствования Императора Александра II держали в Лондонском банке, были истрачены Николаем II на содержание госпиталей и различных иных благотворительных учреждений, находившихся во время последней войны под личным покровительством Царской семьи. Факт этот не был известен широкой публике по той простой причине, что не в правилах покойного Государя было сообщать во всеобщее услышание о своих добрых делах. Если бы Император Николай II продолжал царствовать, то, к концу Великой войны, у него не осталось бы никаких личных средств. Но и до войны он не мог бы состязаться в богатстве ни с Рокфеллерами, ни с Ротшильдами и ни с остальными архимиллионерами... Выросши и будучи в сознании своих обязанностей по отношению к России, Царь, ни минуты не колеблясь, пожертвовал во время войны все эти 200 миллионов рублей на нужды раненых, увечных и их семей, но никто не мог его убедить взять для себя в мирное время хотя бы копейку из этого громадного состояния» (Романов А. Воспоминания).

капитан втягивал содержимое в свою утробу. При этом сестра умудрялась сказать и пару ласковых слов. Светлые глаза капитана подолгу задерживались на милом лице сестрицы. Выразительные живые глаза были единственным уцелевшим местом на его лице. «Скоро Вы здоровы будете», - пыталась поднять настроение больного сестра милосердия, - «У Вас только лицо обожжено, ну и контузия, а недавно такого привезли, что на всём теле живого места от ожогов нет...» Капитан уже мог негромко глуховато, но достаточно связно говорить и его рассказы о романтической жизни в высоких горах Туркестана запомнились Охотиной своей необычностью, но вместе с тем правдоподобностью, со множеством деталей и любовью к природе. Казалось, что капитан живёт одним этим милым ему прошлым, и Охотина просила его рассказать побольше. Евпраксия не знала, что каждое произнесённое слово отзывается Емельяну болью в травмированной голове. А к вечеру вместо соседа по палате, «отправившегося» на ближайшее кладбище, рядом с Владимирцовым положили ещё одного очень тяжёлого, с забинтованной до глаз головой и низом живота, бёдрами. С минуты на минуту ему предстояла операция. Несчастный офицер не двигался и лишь слабо постанывал. Перед тем, как нового соседа понесли в операционную, Емельян мысленно перекрестил его. Та полостная операция особенно запомнилась сёстрам Настасье и Евпраксии. Согнувшаяся сутуловатая массивная фигура Гедройц с крепкими руками, могла не разгибаться до получаса, если того требовала операция. Казалось, что её несколько не трогает ни жуткий вид рваной раны, ни гангренозный душок над ней. Раненый капитан Кирсанов находился в бессознательном состоянии, и операция уже шла полным ходом. Внезапно он очнулся от боли. Прекрасные с синевой глаза молодого капитана говорили о чудовищной муке, но он постарался не проронить ни звука. Лишь заострившийся кадык его судорожно метался вверх-вниз. Вера Игнатьевна велела дать больному хлороформ. Глаза красавца-капитана закатились, и казалось, что они покрылись мутным налётом. Сознание вновь покинуло офицера. Евпраксия могла быть не менее стойкой ко всем визуальным ужасам, чем врач с опытом, но в тот вечер она не смогла себя пересилить по причине особого рода: у несчастного капитана были задеты шрапнелью детородные органы и их тоже предстояло обрабатывать. Это оказалось выше всех сил для волевой девицы Охотиной. Евпраксия знала, что не позволительно замешкаться ни на секунду, допущение малейшей неловкости может стоить жизни. Она поспешно шепнула Настасье, что ей плохо и та должна выручить её. Вдевавшая нитки в иголки, главная ассистентка Ртищева согласилась, не задумываясь. Евпраксии ещё очень не хотелось выдать истинную причину, и она решила сослаться на слабость от духоты, на которую было трудно пожаловаться в прохладном помещении с высокими потолками. Теперь Охотина могла помогать за спинами, подавая необходимый инструмент, не вглядываясь в то, что происходит на столе. Спустя томительно долгий час, развороченный живот капитана Кирсанова был, наконец, зашит. Обе ассистентки вместе с врачом-ассистентом Евгением Петровичем, сидели в лазаретной столовой за чаем. Удалиться ко сну после такого всё равно бы никто сразу не смог.

- Жить будет, - тихо молвил Евгений Карпов, - Молод ещё. По мускулатуре живота видно, что сильный малый.

- Дай-то Бог, - перекрестилась Евпраксия.

- Он теперь под вашим постоянным наблюдением, сестрицы, - улыбнулся врач, - Так заведено у нас: кто оперировал в качестве ассистента, тот и дальше с ним, прикреплён к нему.

Охотина вспоминала в тот момент маньчжурские равнины, где ей впервые довелось участвовать в операции. Тогда им предстояло извлекать под хлороформом осколок, засевший у солдата в щеке и выходящий через глаз. Казалось, что ничего ужаснее быть не может.

В тот памятный вечер Емельян неожиданно услышал имя нового соседа, принесённого после операции. Имя его упомянула сестра Татьяна Романова, ответственная за списки подопечных и их скорбные листы. «Капитан Филипп Кирсанов» - резануло слух Владимирцова:

«Господи, пути твои неисповедимы: вот где мы встретились вновь! Пока надо молчать, не волновать Филиппа».

Санитар Антон Охотин, младший брат Евпраксии, всё утро гнул спину за мытьём полов раствором карболки. Дух от такого мытья стоял тяжёлый, и голова санитара побаливала. Трудился Охотин в солдатском отделении Третьего Царскосельского лазарета. Драить полы да стерилизовать бинты с марлей в автоклаве было неизменной обязанностью новичка в пожеванном халате. В свободное время он осваивал курсы врачебной помощи. Сожжённые карболкой руки всё чаще болели, и местами кожа уже слезала струпами.

- Эй, клистирник, - развязано обратился выздоравливающий фельдфебель к санитару, который усердно протирал углы и двери раствором скипидара, - Принеси-ка нам газетку свежую. Вот те монета, а сдачу вернёшь.

- Хорошо, доделаю работу – потом, - мрачно ответил Охотин, который не любил нагловатого фельдфебеля, но старался ровно относиться ко всем болящим.

- Монашествует он видите-ли, потому не до нас ему, - разворчался малоприятный тип, - Работа у него! Ишь ты какой! Монашек недоделанный. Всё ходит тут молитвы бормочет. Тут женщинам подобает работать, а ему надлежит на фронте быть!

- И вас всех в них поминаю, чтобы выздоравливали, - огрызнулся Охотин.

- Подумаешь – святоша.

- Оставь человека в покое, Клементий, - буркнул солдат в летах из второго призыва.

- И ты ещё тут за таких бездельников вступаешься, - насупил свою одутловатую физиономию Клементий, - С такими, как вы все, войну и проигрываем.

- Чего ты тут несёшь, Клим? Да этот «бездельник» пашет как проклятый весь Божий день, а ты возлежишь тут как богдыхан. Ещё и меня приплёл.

- К-клим-ка, гад такой, - проблеял невнятным голосом полуглухой солдат средних лет. Это был несчастный, изнурённый ранами и болезнями, ревматик, который выглядел почти стариком. Он был растёрт и уничтожен войной до своей смерти. Обычно он лежал пластом и читал по слогам Евангелие, переданное Её Величеством, не замечая, если кто и заговаривал с ним. Врачи поговаривали о переводе его в отделение для психически больных, но там не хватало мест. С фронта поступали всё новые не обкатанные молоденькие солдатики, травмированные обстрелами немецкой тяжёлой артиллерии. Они тряслись, теряли дар речи и пополняли неврологические отделения.

- А ты, Логгин, святошу не защищай. Такие, как он державу назад тянут, - не обращая внимания на глухого и убогого, ответил Клим.

- Поехало! Несёт всякую ахинею тут. Лежи тут и слушай его. Надоел..., - добавил нецензурно бородач-Логгин, сверкая глазами из-под кустистых бровей.

Антону противно было всё это слушать и, особенно, нечестивую ругань. Вокруг было немало очень душевных простых солдат, которые прекрасно относились к их трудолюбивому санитару, но фельдфебель портил всю компанию и пытался восстановить против него всю палату.

- А газету я приносить не собираюсь. Можете жаловаться врачу, - резко молвил Антон.

- Гляди, Логгин, сколько злобы в нём. В этом вся их поповская кровь сказывается. Мы тут нашу кровь за них льём!

- Да заглохни ты, Клим. Опротивел уже, - отмахнулся седой солдат, грязно выругавшись ещё раз, - Если меня из-за ты какая из великих княжон услышит – расправы те не миновать. Глядеть в глаза княжне той не смогу боле. А с тобой будет ясно. Подлечусь, найду и - потроха вон. У нас в деревне народ горячий и на роду тоже. Так что – не доводи мя до греха. Душою ты, гад, отволг.

- По знакомству тут устроился он, чтоб в окопы не угодить - дело ясное. Логгин, а Логгин, ты у нас тут умный такой. Вот ответь мне: почему мы тут лежим-маемся, Логгин, а офицерики все в отделении, где великие княжны их обслуживают? Почему не меня? Чем я хуже?

- Да побойся ты Бога, нахал такой, и к нам они заходят и осматривают иной раз. Просто там их постоянное место, а у нас пореже. Чаво ишо те надобно, морда твоя наглая? Чем тебе наши сёстры хуже? *Кататься тебя иной раз возят – карету, аль ландо подают четырёхместное. Концерты нам устраивают. Артистов императорских театров приглашают. Жрёшь тут за двоих⁸. Захотел помолиться - при госпитале имеется домовая церковь, да ещё и с какою иконою чтимую – «Всех скорбящих радости». Говорят, иконостас императрицы Екатерины Первой ишо. Для духовного утешения тяжелораненых тебе имеется передвижная «походная» церковь. Какого тебе ишо рожна надо? И этого мало? Свинья ты и есть свинья, Климка.*

- Там гвардейцы, в их отделении, лежат да шефских полков. Простой и офицер туда не попал бы, - упорно продолжил гнуть своё Клим.

- Дурья твоя башка! *Для того, чтобы попасть в офицерское отделение, как и в солдатское нашего лазарета, нужна лишь одна «льгота» - быть тяжелораненым. И больше всех у нас тут и там пехотинцев, а гвардейцев куда меньше. Их и в целом-то меньше наберётся. Поезд имени Её Величества привозит с фронта «особо привилегированных»: кто без рук, кто без ног, кто с раздробленной черепушкой, а кто и вовсе без ..., - добавил непотребно, - Не зли мя боле и заткни пасть поганую.*

Закончив мытьё, Антон поспешил с бинтами в автоклавную. После слов Логгина о княжках он испытывал к нему лишь симпатию, простив Богом нетерпимые выражения. Вспомнил он, как едва очнувшись после операции, производимой самой Гедройц, другой солдатик первым делом спросил, а не ругался ли он грязно в беспамятстве пред лицом «княжны-врачи» и великих княжон. Особенно его волновали последние – юные и чистые. Антон лишь умилялся такому. А ещё он стал себя ловить на том, что он сам заглядывается на великую княжну Татьяну Николаевну и страшно себя ругал за такие глупости. Во-первых, сам он был уже на полпути в монастырь и не принял до сих пор постриг лишь из-за того, что решил послужить во благо Отечества в тяжёлую пору. То есть просто пялиться на красивую девушку ему уже грех. Во-вторых, даже если бы он и раздумал удалиться от светской жизни, то его воздыхания по Великой княжне беспочвенны и бесплодны. Слишком неравен такой союз. Наконец, какой женщине он нужен – чахлый молокосос, которого даже не взяли в новобранцы?

Между делом он решил заглянуть к своей сестре, работающей в офицерском отделении. Охотин быстро дошёл до *небольшого двухэтажного дома полубарачного типа с большой верандой. На первом этаже располагался лазарет, а на втором жили сёстры милосердия. Обстановка в офицерском отделении была столь же скромна, как и в солдатском: простые кровати, белые крашенные табуретки с тумбочками, простенькая, но со вкусом мебель в небольшой уютной гостиной в стиле Александра I. Белые стены, выкрашенные масляной краской, желтоватые квадратные плитки на полу в операционной. Единственным различием было то, что в офицерских палатах выделялось больше места на человека. Офицерское отделение было рассчитано на 30-35 человек, а солдатское - на 60-70 человек. Уход же за солдатами был ничуть не хуже. Антон заметил, что на сестре его нет лица. Евпраксия сказала, что скверно спала после тяжёлой операции, отнимающей больше сил, чем обычно. Даже призналась, что её преследовал кошмар, связанный с недавней смертью одного оперируемого солдата. Едва она пыталась заснуть, как пред её глазами возникало всё, что тогда случилось: лопнувшая артерия, кровь, которую ничем не остановишь, лёгкие солдата поглощают кровь, слышится злое свист в лёгких, лицо синееет и глаза стекленеют. Не помогает и искусственное дыхание.*

⁸ На питание в лазаретах Государыни расходовалось денег намного больше, чем в лазаретах Красного Креста.

Но самым страшным в этом сне казалось, что то был не умерший солдат, а вчерашний красавчик-капитан, о чём Евпраксия, естественно умолчала, и корила саму себя: ведь она давно собиралась принять постриг и обдумывала лишь точные сроки его. Вчера она ощутила во взгляде Кирсанова нечто не дающее покоя с той самой минуты, и в этом она боялась признаться даже самой себе. Сестра спросила Антона, не сердится ли он всё ещё на её обман, имея в виду своё умалчивание о том, что лазарет их находится НЕ на фронте, куда рвался слабый здоровьем брат.

- Злость один из грехов людских. Стараюсь не злиться, - последовал сухой ответ.

Поговорили брат с сестрой о делах семейных. Давно не было никаких писем от ушедших на фронт братьев.

Утром Охотина сидела между Владимирцовым и Кирсановым, успокаивая и подбадривая их. Вдруг капитан Кирсанов начал много и несвязанно говорить. У него был жар, но Вера Игнатьевна уверяла, что всё в норме. Капитан бредил, но в его словах прослеживалась логическая цепочка. Он говорил в основном о своей любви к какой-то столичной особе, которая само исчадие ада, и он не имеет больше сил и воли к жизни из-за неё. Временами он упоминал какие-то настораживающие детали поведения той особы, выдающие её демонизм. Евпраксией полностью овладела невероятная жалость к слабому больному человеку и инстинктивное желание защитить его от всех бед, в том числе и от той страшной дьяволицы. Когда Кирсанов умолк, впав в забытие, Владимирцов поведал Охотиной, что с ним рядом положили его старого боевого товарища, которого поначалу он не мог узнать из-за повязки на голове. Теперь повязку сняли. Высокое чело Кирсанова было лишь слегка разбито камнем. Евпраксия с жаром попросила рассказать побольше о его боевом товарище, и Емельян выполнил её просьбу, хотя и ощущал некую зависть: «Что значит красивый молодой человек. А что мою морду наполювину спалило, так оно и к лучшему, не будет заметно насколько она была гнусна и можно будет вообразить, что некогда была и недурна».

- Спасибо Вам огромное, капитан, за Ваш рассказ. Как живо Вы умеете описывать обстановку! – улыбнулась Охотина и, заметив, что лицо Владимирцова исказилось от боли в голове, погладила его руку, сжав её, - Спасибо. Крепитесь. Через несколько дней Вам станет намного легче. Сама Вера Игнатьевна сказала. Я не прибавляю, нет!

В ответ он улыбнулся морщинками усталых от боли, но живых и выразительных глаз:

- Спасибо, милая сестрица. Я верю, что скоро всё пройдёт. Вы лучше больше заботьтесь о Кирсанове. Он между жизнью и смертью. А со мной и так всё в порядке. Спасите капитана. Он очень достойный человек. Скоро он выбросит всю эту дурь с той знакомой из Питера из головы и всё встанет на свои места. Поразительной храбрости офицер.

- Вы благородный человек, капитан. Но мы имеем возможность достаточно заботиться о каждом из вас, поверьте.

Что-то сжалось в душе Владимирцова: возможно впервые в жизни в свои сорок лет он, убеждённый холостяк, ощутил чувство ревности и к кому – к своему любимому боевому товарищу: «Насмешка судьбы. Такая девушка и до ранения бы на меня глядеть не стала, а теперь я и вовсе урод. На что я могу надеяться? Кому я нужен с опалённой мордой?»

Становилось всё холоднее, и потекли сумрачные декабрьские дни. Внезапно Филиппу полегчало, и он сумел узнать своего соседа, чему был несказанно рад. В то морозное солнечное утро пред Кирсановым возникла высокая стройная дама лет пятидесяти в простом сереньком костюме сестры и в белой косынке. Она ласково поздоровалась с ним и расспросила, где он был ранен, в каком деле, на каком фронте. В её речи слышался явный иностранный акцент. Филипп отметил классическую правильность её тонкого лица, бывшего некогда прекрасным, но мелкие морщинки уже расплзались вокруг уголков её глаз и губ. *Выражение этого лица*

было строго-задумчивым, и стального цвета глаза не смялись даже, если рассудок приказывал губам улыбаться. Подбородок резко очерчен, подчёркивая волю его обладательницы. Цвет её лица менялся в зависимости от нервного состояния, а улыбка лишь слегка скрашивала невысказанность затаённой печали. Дама подбодрила обоих друзей ласковыми простыми словами и уверила их, что будет вспоминать их в молитвах. Когда она отвернулась от Филиппа, Емельян заметил, что в глазах её стояли слёзы. Она извинилась и быстро покинула палату. Уже в дверях её окликнул третий сосед, с которым никто из недавно прибывших в лазарет ещё и не разговаривал:

- Ваше Величество, можно Вас попросить покорно присесть на минуточку. Очень мне худо нынче, а если присядете – смогу заснуть хоть ненадолго, - молвил офицер в летах, сиплым сорванным голосом и потянул в сторону дамы дрожащую руку.

- Конечно, князь Эристов, простите, что сама не подумала. Устала очень.

Владимирцов переглянулся с Кирсановым, несмотря на то, что поворачивать голову Емельяну было очень больно. Владимирцов перекрестился трясущейся рукой, ценой очередного прилива боли в груди и звона в ушах. Филипп прослезился и что-то зашептал. В тот день в дневнике Государыни появилась запись: «Вчера мне пришлось перевязывать несчастного с ужасными ранами... он едва ли останется мужчиной в будущем, так всё истерзано осколками, быть может, придётся ему всё отрезать, так всё почернело, но я надеюсь спасти, - страшно смотреть, - я всё промыла, почистила, помазала иодином, покрыла вазелином, подвязала, - всё это вышло вполне удачно, - мне приятнее делать подобные вещи самой под руководством нашего врача. Я делала ранее три подобных перевязки, - у одного была вставлена туда трубочка. Сердце кровью за них обливается, - не стану описывать других подробностей, так это грустно, но, будучи женой и матерью, я особенно сочувствую им⁹. Сегодня этот офицер впервые пришёл в полное сознание. Несчастный ещё и не подозревает, какое страшное известие его ожидает в скором времени».

Как-то после очередного изнурительного дежурства Настасья решила с утра прогуляться по Царскосельскому парку. Неожиданно Ртищева столкнулась с НИМ. Гумилёва она узнала сразу: его высокую худощавую фигуру в элегантном пальто, манеру ходить с лёгким наклоном вперёд, а приблизившись, - и крупные характерные черты лица. Она опешила невольно, остановив взгляд на неправильных чертах его выразительного, не слишком красивого, но приветливого лица. Они встретились взглядами, но Настасья не была уверена, что он её разглядел и воспринял, как одушевлённую субстанцию. Взгляд поэта словно прошёл насквозь и не задержался. Разминувшись, через полминуты она не выдержала и оглянулась. Неожиданно оглянулся и он. Ртищева зашагала прочь, смахнув непослушную слезу, выступившую не только от мороза. Внезапно поэт догнал её и заявил приятным низким голосом, взмахнув тонкой изящной рукой:

- Вы достойны кисти Рубенса! Да что я говорю, ведь следовало было попросить Серова... Увы, и его уже нет на этом свете.

- Неожиданные у Вас шутки, сударь, - заметила Настасья, придав лицу как можно больше независимости и безразличия. Околдованная, она не замечала, что поэт слегка картавит и глаз его немного косит. Разве это играет роль в человеке такого размаха?

- Вполне серьёзно. Не люблю бросать слов на ветер. Но чья кисть, как не этих людей, достойна сотворить Ваш образ на холсте? Других не знаю, - бросил Гумилёв и тут же, извинившись, что он опаздывает в комендатуру, ускорил шаг в прежнем направлении.

⁹ Эти слова Александры Фёдоровны об одном из раненых взяты из Её письма Николаю Александровичу.

- Vous etes en moi comme une hantise¹⁰, - бросила Ртищева ему вслед, отвернувшись, и зашагала прочь. Она так и не узнала расслышал ли он её слова.

«Поэзия есть Бог в святых мечтах Земли» - звучали в её голове слова Жуковского. Настасья брела по парку в неизвестном ей самой направлении весь остаток недолгого светлого времени и опомнилась лишь с наступлением сумерек, повернув назад к Третьему лазарету от санатории для больных детей на Павловском шоссе. Потом Ртищева узнала строение санатории Свято-Троицкой общины для выздоравливающих больных¹¹, что на углу Колпинской и Кузьминской, и после уже поняла, как идти дальше.

- *Освятили Дворцовый лазарет наш ещё в августе 1914-го, и пошла работёнка, - с любовью рассказывала Емельяну палатная сестра Ольга Грекова о своей работе, - А в октябре и госпитальную церковь освятили. Первым пациентом стал молоденький корнет лейб-гвардии Его Величества кирасирского полка Карангозов. Милый был юноша. Только вылечился и опять на фронт.*

- Уверен, что многие, кто вынужден был здесь долго лежать просто напросто рвутся назад, к однополчанам, - слабым голосом проговорил Владимирцов, - Убивает безделье.

- Скорее бы и нам, - и вовсе загробным голосом вставил, молчавший до того, Кирсанов.

- *А недавно Великой княгине Ольге Александровне Георгиевской пожалована медаль «За храбрость». Она не только руководит своим госпиталем, но и сама служит там сестрою милосердия. И наша Вера Игнатьевна имеет такую же медаль и ещё золотую «За усердие» на Анненской ленте и знаки отличия Красного Креста всех трёх степеней. Вот как!*

- Да уж... – неопределённо откликнулся Емельян.

- Ох, уж этот мне Красный крест, - раздался зычный голос князя Эристова – более дальнего соседа по палате, - *Работа до изнеможения слабой здоровьем Государыни и её дочерей по уходу за ранеными в созданной Ею самой на свои средства системе госпиталей, полностью игнорируется «любезными» коллегами из Красного креста, связанными с Земгором. Своими бы руками и передушил «законных дезертиров» мерзавцев-«земгусаров¹²». Подлечиться бы только слегка.*

- А что же Вы хотите? – вставил барон фон Таубе, - *Скромная поначалу организация, Красный Крест, постепенно подчинила всю санитарную администрацию страны. А те думские иезуиты, кто орёт: «Немка!¹³», - стараются не замечать того, что Царскосельский госпиталь был переоборудован под приём раненых за счёт «Немки». Скоты! «Земгусары» получают и оклады двойные: по старому месту службы и по Земгору.*

- Не умеем мы поддерживать авторитет правителей наших, - сокрушался Эристов, - *Взять ту же смерть отважного мальчика князя Олега Константиновича. Юноше шёл всего два-*

¹⁰ Вы во мне словно наваждение (фр.).

¹¹ В эту санаторию принимались за особую плату лица, нуждающиеся в отдыхе после перенесённых ими незаразных болезней.

¹² «Земгусар» – ироническо-пренебрежительное определение служащих снабженческой общественной организации – «Союза земств и городов». Получив право на ношение офицерской формы (без погон), они не призывались в действующую армию. «Земгоровец» - то же, что и «земгусар», но без оттенка насмешки. Среди земгоровцев было немало честных патриотов, но ещё больше рвачей и мародеров.

¹³ Императрицу, англичанку по воспитанию, звали «немкой», как некогда «австриячкой» - Марию Антуанетту, будто хоть одна царица в России за последние два столетия была русской по крови. «Вот уже несколько раз я слышу, как упрекают императрицу в том, что Она сохранила на троне симпатию, предпочтение, глубокую нежность к Германии. Несчастливая женщина никаким образом не заслуживает этого обвинения, которое она знает, и которое приводит Её в отчаяние. Александра Фёдоровна, родившаяся немкой, никогда не была ею ни умом, ни сердцем... Её воспитание, Её обучение, Её умственное и моральное образование также были вполне английскими... Основа Её природы стала вполне русской. Прежде всего и несмотря на враждебную легенду, которая, как я вижу, возникает вокруг Неё, я не сомневаюсь в Её патриотизме. Она любит Россию горячей любовью. И как не быть Ей привязанной к этой усыновившей Её родине, которая для Неё резюмирует и олицетворяет все Её интересы женщины, супруги, государыни, матери?» (Палеолог М. Царская Россия накануне революции).

дцать второй год. Я сам навестил его в госпитале, когда несчастный был при смерти осенью четырнадцатого. Милый корнет рассказывал с гордостью, как они двигались в составе двух эскадронов в авангарде гусарского полка. Близ деревни Шильвишки они столкнулись с немецкими разъездами. Завязалась перестрелка. Князь Олег попросил эскадронного командира разрешить ему с взводом захватить неприятельский разъезд. Тот разрешил неохотно. Кровная кобыла Диана занесла князя далеко вперёд. Часть немцев была уже перебита, а часть сдавалась, когда один из раненых кавалеристов, лёжа, повалил князя ловким выстрелом. Тяжело раненого на арбе перевезли в Пильвишки, где он причастился, а затем повезли в Вильно, где был ближайший хороший госпиталь. Установили гнилостное заражение крови. Пуля, войдя в правую ягодицу, пробила прямую кишку и застряла в левой ягодице. Оперировал профессор Цеге фон Мантейфель, помогали профессора Мартынов и Оппель. Вскоре была получена телеграмма от Государя о пожаловании князю Георгия. Юноша был так счастлив и с гордостью показал мне телеграмму. Как сейчас помню его слова: «Я так счастлив, так счастлив! Это нужно было. Это поднимет дух. В войсках произведёт хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь Царского дома». К утру князь стал впадать в забытие. Начался бред. Корифеи медицины стали давать ему шампанское... Вливали в руку соляной раствор. Вечером приехали родители¹⁴, князь узнал их. Брат Игорь рыдал. Великий Князь-отец привёз ему дедов крест Святого Георгия. Прикололи к рубашке раненого, который целовал крестик. Пригласили священника... Слышали ли вы когда-нибудь о пролитой крови этого представителя Царского дома, начинающего большого поэта? Вот именно, что нет...

- Ах, как жалко мальчика, - вздохнула Грекова, перекрестившись.

- Англичане бы сумели преподнести такую смерть своему народу, - заметил фон Таубе.

- А какие славные люди прошли через наш лазарет и недавно вернулись на фронт! - продолжала своё Грекова, подсев к Дмитрию Таубе¹⁵.

В полдень, проходя по коридору, Настасья остолбенела от неожиданности, не поверив своим глазам: навстречу ей скользил воздушный силуэт знакомой по столичному либеральному салону Аглаи во всей его красе. По глубокому убеждению Ртищевой эта декадентствующая светская львица никак не вписывалась в образ сестры милосердия.

- Да, да, Настасья Николаевна, Ваши глаза Вас не обманывают. Императрица Мария Фёдоровна возглавила Красный Крест, например¹⁶. Если уж Феликс Юсупов проходит офицерские курсы, то почему бы и мне не внести свою трудовую лепту в победу России?

- Признаться, не ожидала Вас здесь встретить, - сухо улыбнулась Ртищева.

¹⁴ Отец Олега, Константин Константинович, религиозен, поэт, актёр, переводчик Шекспира. На его стихи созданы известные романсы. Братья Олега: Иоанн, муж дочери сербского короля, очень религиозен, отличился на фронте тоже. Константин – любим лейб-гвардии измайловскими солдатами, Игорь. Они сброшены большевиками в шахту вместе с Елизаветой Фёдоровной. Дочь Татьяна стала монахиней в Иерусалиме. Дед Олега, Константин Александрович, был нелепо либерален.

¹⁵ Ольга Порфирьевна Грекова – дочь донского казачьего генерала. После революции она вышла замуж за барона фон Таубе.

¹⁶ Мария Фёдоровна, будучи действующей и став вдовствующей императрицей, вела огромную общественную работу, как глава Института императрицы. В ведении Института находились учебные заведения, воспитательные дома, приюты для обездоленных и беззащитных детей, богадельни во всех крупных городах России. Среди них были: Общество попечения о детях лиц, ссылаемых по судебным приговорам в Сибирь; Братолюбивое общество по снабжению неимущих квартирами; Приют для неизлечимых больных; Александро-Мариинский дом призрения; Благотворительное общество при Обуховской больнице; Мариинский институт для слепых девочек и Институт взрослых слепых девиц; Мариинский родовспомогательный дом и находящаяся при нём школа повивальных бабок; приюты для сирот, оставшихся после павших воинов. По инициативе Марии Фёдоровны возникли Мариинские женские училища для девушек-горожанок. Императрица попечительствовала женскому Патриотическому обществу, Обществу спасения на водах, Обществу покровительства животным и другим. На протяжении многих лет она была шефом гвардейских полков. Под началом Марии Фёдоровны все женщины Императорского дома принимали участие в организации лазаретов, санитарных поездов, складов белья и медикаментов, приютов и мастерских для увечных воинов.

- Я и сама не ожидала себя обнаружить в качестве сестры милосердия. Сегодня мне предстоит собеседование.

- У Вас имеется какой-то опыт?

- Видите-ли, Вы наверное, не осведомлены, но княгиня Юсупова устроила за свой счёт госпиталь в своём доме и сама работает в нём сестрой милосердия. Знает состояние здоровья всех тяжелораненых, за которых несёт ответственность. Кстати и Феликс помогал матери по организации госпиталей в нескольких юсуповских домах. Как единственный сын он не подлежит призыву...

- Так, отчего же Вам не работать прямо в доме, где Вы живёте?

- Понимаете... с некоторых пор мы с княгиней не в ладах. Стали раздражать друг друга... Пожалуй, это очень даже типично для двух взрослых женщин в одном доме.

- Я Вас понимаю. Но извините, мне пора на обход. Не могу более задерживаться. Всего Вам доброго, - Настасья напряжённо распрощалась и суетливо зашагала дальше.

Когда Филипп Кирсанов открыл глаза, он не поверил им и тут же опять закрыл, после чего повторно приоткрыл и очень нерешительно.

- Да, Филипп, это я. Не удивляйтесь. Это не призрак. Я пришла сюда с целью устроиться сестрой милосердия. Случайно заметила в скорбном листе Ваше имя, номер палаты, ну и решила, что грех не навестить Вас, - очаровательно улыбалась зеленоглазая нимфа, сидящая подле Кирсанова.

- Господи, я ожидал всего чего угодно, встречи с Богом, дьяволом, но не этого... - матовая бледность лица Филиппа в тот момент впервые стала исчезать от прилива крови по причине огромного волнения, - Простите, что я так жалок, не могу привстать, чтобы приветствовать Вас! Как скверно!

- Что Вы! Побойтесь Бога! Как Вы можете думать о таких глупостях. Вам следует строго исполнять все предписания врача и не шевелиться понапрасну. Ваши раны могут открыться, а это чревато. Вам важно думать о хорошем, что всё будет прекрасно. Вокруг Вас столько милых молодых сестёр.

- Что мне все сёстры мира? Лишь, если бы Вы согласились ждать моего выздоровления...

- Оно затянется и обещать Вам этого не стану, мой милый Филипп.

- Вы жестоки. А ведь я хотел забыть Вас и был прав...

- Пожалуй, что так. И постарайтесь забыть. Вы будете неуклонно выздоравливать всю свою жизнь и всё будет прекрасно. Прощайте.

- А что там сказано, жестокосердная Аглая? В скорбном листе?

- Как бы это Вам сказать... Довольно малоутешительно для Вас, но всё в руках Божьих. На мой взгляд всё так, что лучше и быть не может: Вы, наконец, станете достойны возвышенной души своей. В том смысле, что тело Ваше станет... Прощайте.

- Нет, это сон... бред... – Филипп опустил тяжёлые веки, а когда поднял их, то оказалось, что никакой Аглаи рядом нет. «И не было её, всё это вновь сон, смешанный с явью. Кажется, я по-прежнему без ума от неё» - подумал Кирсанов и постарался заснуть. Но сон не шёл. Сердце билось учащённо и казалось, что в воздухе, напоённом карболкой, стоит запах тонких смутно знакомых духов.

Когда Аглая незаметно выходила из палаты Филиппа, она встретила в дверях взглядом с уже знакомой ей по приёмному покою сестрой Евпраксией, которая какое-то время стояла в дверях. Взгляд Евпраксии был насторожен и не отличался приязнью к обращённому объекту. Это неприятно удивило Аглаю, но вскоре, выйдя на улицу, она обо всём забыла. Через день ей должны были дать ответ о результатах собеседования, в котором принимали участие старший врач госпожа Гедройц, а также одна скромная неброская сестра, к которой Гедройц неожиданно для Аглаи обратилась «Ваше Величество». Евпраксия подумала о том, что ей пора бы честно самой себе признаться в своём неравнодушии к Кирсанову: «Но если я ревную к этой

новенькой рыжей весталке, то и к Настасье должна бы тоже. Но нет у меня камня за пазухой в отношении Ртищевой. Значит что-то ещё руководит мною, когда я испытываю неприязнь к рыжей? Да, конечно! Я ощутила это, когда её впервые увидела там, в приёмных покоях – словно что-то недоброе исходило из её красивых глаз! И это определённо было до того, как я поняла, что их что-то связывает с Филиппом...»

Когда, на исходе дня, Вера Игнатъена, наконец, столкнулась с Александрой Фёдоровной и обе сообразили, что могут себе позволить выделить свободную минутку. Тогда они обсудили кандидатуру молодой барышни, приходившей утром.

- Сестёр не хватает, Ваше Величество, - начала Вера Игнатъена, - Нужны руки. Барышня холёная, изнеженная, но и наша Настасья была такой же, а как хорошо работает.

- Вера Игнатъевна, голубушка, - неспешно ответила Государыня, - Если для Вас что-то значит мой совет, то очень настаиваю не принимать эту особу.

- От чего же, Ваше Величество? – Гедройц высказала неподдельное удивление, - Объясните, пожалуйста. Наши бедные офицеры будут рады тому, что за ними ухаживает столь миловидная дама.

- Понимаете, я обладаю, как мне кажется, каким-то особенным чутьём на людей определённого сорта. Так вот, нашим раненым не станет лучше от ухода такой сестры...

- Право, Ваше Величество, я Вас не понимаю. Но раз Вы так хотите...

- Что Вы, что Вы, Вера Игнатъевна, Вы здесь у нас командир. Вам и решать кого принимать. Мне кажется, что сейчас в Царском не осталось дома, откуда рано по утру не выходила бы скромная фигура сестры милосердия, семена по направлению к одному из госпиталей. Мы бы нашли замену. Но окончательное решение я представляю только Вам. Прощайте.

Когда императрица удалилась, главный врач проворчала себе под нос: «Ну, до чего же Её тянет на мистику. Потребность во всём найти что-то сверхъестественное».

- Мне кажется, что Вы сегодня чувствуете себя неожиданно хуже, господин Кирсанов, и потому я приглашу врача на дополнительный осмотр. Не говорите ничего, знаю, что будете уверять меня в противоположном, но некоторый опыт у меня уже есть, - ласково говорила Евпраксия, сидя возле Филиппа и тревожно вглядываясь в его лицо, покрытое нездоровым холодным потом.

- Как поговорил с той дамой четверть часа назад, так и постанывает, вертит шеей, кадык «глочет», - добавил Владимирцов, - Надо бы осмотреть как следует.

- Нет, право, всё хорошо, только в ушах звон какой-то странный, - растерянно промолвил Филипп, растерянно глядя в глаза Евпраксии.

- Звон от давления крови в ушах, от непривычной после фронта, настораживающей тишины, это мне знакомо, - вздохнул Емельян.

Ночью Евпраксию разбудил непривычный кошмарный сон о том, что она идёт через не то парк, не то лес, и вдруг замечает, что все светлые стволы деревьев сочатся каким-то отвратительным чёрным вязким гноем, после чего до её обоняния доносится смрад этой ужасной жидкости и начинает душить.

Рождество 1915 года Третий лазарет отметил дружным обедом сначала всего персонала, а потом – разносом рождественских яств по палатам и продолжением трапезы вместе с пациентами. *Работник Красного креста, книжный иллюстратор и акмеист Нарбут во время войны служил в Царском*¹⁷. Он был рад избежать фронта, но по месту службы был вынужден присутствовать при императорских обедах, что его, как либерала, заметно раздражало. Так,

¹⁷ Позже друг Нарбута, художник Мстислав Добужинский, сумел перетянуть его в историческую комиссию при Красном кресте, занимавшуюся редактированием книги о пятидесятилетии Красного креста. В годы войны несколько человек усердно занимались графическими работами с целью помпезного издания книги.

и в этот раз он сидел за столом работников лазарета, хотя и ощущал себя явно не в своей тарелке в этом незнакомом ему обществе. Он знал лишь членов Дома Романовых, то есть «Трёх сестёр», и госпожу Гедройц, как особу, сочувствующую его взглядам, но никого более. Будучи выходцем из знатного литовского рода, но ставший прожжённым либералом, он не выносил церемоний, особенно связанных с сословностью. Но после присутствия за несколькими традиционными обедами с лакеями по случаю приезда императора из Ставки, Нарбут был поражён простотой того, что увидел в лазарете. Царица с дочерьми ничем не выделялись среди прочих работников лазарета. Нарбут, одетый утрированно во френч с вензелем и галифе, ощутил неловкость от своей очередной выходки с таким маскарадом и понял нелепость своего поведения. Этот желчный человек вяло ковырялся в праздничном пироге серебряной вилкой и удивлённо по-новому разглядывал миловидных, бойко-щебечущих великих княжон. *Их образы, хорошо известные всей России, благодаря многотиражным художественным фотографиям, воспринимались многими, как воплощение благополучия: изящные головки, сияющие глазки, воздушные платья. На фотографиях их окружают ажурные салфетки, книги в тяжёлых добротных переплётах, а на коленях прохлаждаются мопсы. А будущее княжон кажется таким легко обозримым и безмятежным... И вдруг те же детки в госпитале за тяжелейшей психически работой!* Что-то не увязывалось и смущало Нарбута, начинало злить его. За столом зашла речь о том, что работа в лазарете становилась для девушек столь привычной, что они уже с неудовольствием встречают необходимость «одеться прилично», или просто иначе, - вне лазарета.

- *Платье сестёр милосердия мы ощущаем «второй кожей», правда, Татьяна?* – сказала ласковым голосом стройная среднего роста Ольга Николаевна, устремив свой синий взгляд на младшую сестру.

- Я бы добавила: «Единственной и настоящей» - улыбнулась высокая и особенно изящно сложенная Татьяна, которая встретила своим прямым твёрдым взором с глазами Нарбута и вынудила его смущённо опустить голову.

- В годину войны всё вокруг становится «единственным и настоящим», - загадочно сказала императрица.

- Что Вы имеете в виду, мамА? – насторожилась Татьяна, грациозно изогнув длинную шею.

- И нашу веру православную я всё больше ощущаю единственной настоящей. Посмотрите на немцев, кровь которых преобладает в жилах моих. Мне милы их традиции, язык, но не прусский протестантский дух, намекающий на их избранность. Этот дух породил германский милитаризм ещё при Бисмарке, и с тех пор Германия неуклонно эволюционирует «от Канта к Круппу». Не вижу тут ничего смешного, Татьяна. *Становится всё меньше крупных писателей, музыкантов и художников во всём мире. Чем это объяснить? Люди торопятся жить, впечатления чередуются слишком быстро. Машины с деньгами управляют миром и уничтожают всякое искусство, а у тех, которые считают себя одарёнными, испорченное направление умов.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.